[17] Подробнее о философском методе Дж. Ст. Милля см.: *Милль Дж. Ст.* Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. 2-е изд. М., 1914.

[18] См.: *Тэн И.* Об уме и познании. С. 406.
[19] Там же. С. 420.
[20] Там же. С. 415.
[21] Там же. С. 502.
[22] Там же. С. 9.
[23] *Мах Э.* Указ. Соч. С. 35.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ДИДРО И Д'АЛАМБЕРА И ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В. М. Богуславский

«...Единственные причины общественных бедствий и разложения правительства» заключаются в том, что попираются «естественные, неотчуждаемые, священные права» всех людей.

«Декларация прав человека и гражданина», принятая Учредительным собранием Франции 26 августа 1789 г.

«Декларация прав человека и гражданина», торжественно объявившая, что государственная власть принадлежит не монарху, не какому-нибудь сословию, а всей нации, что эта власть «учреждена на пользу всем, а не для личной пользы тех, кому она поручена» (ст. 12), провозгласившая не только равенство политических прав всех граждан, но и их свободу — «свобода обмена идеями и мнениями является одним из самых драгоценных прав человека» (ст. 11), «никто не должен быть преследуем за свои убеждения» (ст. 10), — по сути дела полностью отменяла основы феодально-абсолютистского строя. Учредительное собрание могло принять эту декларацию только потому, что ему в первые месяцы 1789 г. предшествовали многочисленные бунты в различных провинциях страны (в Пуату, Бретани, Турени, Орлеане, Нормандии, Иль-де-Франсе, Пикардии, Шампани, Эльзасе, Бургундии, Ниверне, Оверни, Лангедоке, Провансе), в Париже и его окрестностях и, наконец, 14 июля — разгром Бастилии. Хотя восставшие при этом всегда прежде всего выступают против феодальных податей и повинностей, но наряду с социально-экономическими требованиями они все чаще выдвигают требования политические. «Начиная с января в этих бунтах слышится уже крик: "Да здравствует свобода!"»[1]. Образ действий участников этих массовых народных выступлений не оставляет сомнений в том, что в их умах место ряда старых, столетиями царивших представлений и убеждений заняли новые, во многом совершенно от них отличные взгляды и убеждения.

В том, что новые радикальные идеи на протяжении XVIII в. проникали в сознание все более широких слоев французского общества, огромную роль сыграли появившиеся еще до Энциклопедии произ-

© В. М. Богуславский, 1993

ведения Фонтенеля, Монтескье, Ламетри, Руссо, Дидро, Вольтера. Как правило, эти произведения печатались за рубежом, но численность их читателей во Франции росла с чрезвычайной скоростью. Еще более открыто и смело новые идеи высказывались и защищались в анонимных рукописных прозведениях (тех, которые в наши дни именуют «самиздатом»), ходивших по рукам в таком большом количестве, что, несмотря на жестокие репрессии, которым подвергались все, у кого власти обнаруживали эти «опасные сочинения», уничтожая все попавшие в их руки «подрывные» брошюры, немало их сохранилось в библиотеках Франции и других стран до наших дней. Дж. Уэйд в своей работе «подпольная организация и распространение философских идей во Франции с 1700 до 1750 года» показал, насколько радикальной уже в первой половине века была революционно-философская и антирелигиозная мысль тогдашних рукописных подпольных изданий и как умело было организовано распространение ее идей во французском обществе[2].

Рассматриваемое явление — то, что в период, предшествующий социально-политическому перевороту, получают широкое распространение произведения, резко критикующие существующий строй и освящающую его идеологию, а также выдвигающие новые радикальные идеи относительно того, какие порядки и какое мировоззрение должны прийти на смену существующим, — это явление имело место, конечно, не только во Франции. Одна из своеобразных особенностей этого феномена во Франции заключается в той исключительно большой роли, которую сыграло в революционизировании общественного сознания одно напечатанное во Франции произведение, созданное многочисленным авторским коллективом под руководством Дидро и Д'Аламбера, — «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел». Правда, это было и по своему объему, и по своему своеобразному характеру необычное произведение: его текст занимает 23 огромных (по 950 страниц) тома in folio, а таблицы, чертежи, рисунки с пояснениями — еще 12 таких же больших томов. В этих фолиантах самые выдающиеся ученые того времени обстоятельно изложили все, чего удалось к моменту издания Энциклопедии достичь в философии, математике, физике, астрономии, химии, минералогии, биологии, истории, социологии, политической экономии, языкознании, в разработке теории литературы, театра, музыки, архитектуры, живописи, а также во всех областях техники.

Энциклопедия — это как будто произведение чисто академического жанра, справочное произведение, не имеющее, по-видимому, ничего общего со злободневной политической проблематикой, а тем более — с восстанием, под ударами которого разваливаются все существующие социально-политические порядки. Но хотя среди 60 тысяч статей «Толкового словаря», созданного под руководством Дидро и Д'Аламбера, есть немало сугубо академических работ, в целом этот труд был отнюдь не академическим.

Прежде всего, обширные статьи, приобщавшие читателей Энциклопедии к последним достижениям науки, техники, искусств, существенно расширяя их кругозор, оказывали большое революци-

онизирующее воздействие на их сознание. Во-вторых, статьи Энциклопедии, в которых обстоятельно показывалась несостоятельность господствовавшего в обществе традиционного мировоззрения и всесторонне обосновывалась антифидеистическая, антидогматическая, рационалистическая, по преимуществу материалистическая трактовка важнейших проблем онтологии, гносеологии, этики, эстетики (некоторые из этих статей представляли собой целые философские трактаты), существенно подготавливали умы к восприятию новых социально-политических принципов и идей. Все это сыграло немалую роль в тех глубоких изменениях, которые произошли в умах миллионов французов во второй половине XVIII в. Но особенно большое значение для этих изменений имели те энциклопедические статьи, в которых освещались животрепещущие, злободневные для страны социально-политические проблемы. В этих статьях выдвигались и горячо отстаивались идеи, обличающие социальную несправедливость и пагубность для общества царящих в нем сословно-абсолютистских порядков, разоблачавшие лживость внушаемых народу представлений, освящающих эти порядки, и доказывалась настоятельная необходимость установления общественного строя, удовлетворяющего требованиям разума и природы.

Генезис общества, генезис государства рассматриваются авторами Энциклопедии как явления совершенно естественные, вмешательство небес в эти процессы не только игнорируется, но и решительно отрицается. «...Не останавливаясь здесь на положении, в которое люди могут быть вознесены сверхъестественной силой, — говорится в статье «Общество» (т. XV, автор — Дидро), — рассмотрим, как руководит ими человеческий разум»[3]. От природы каждый человек совершенно свободен и имеет право делать все, что находит нужным. Когда, руководствуясь своим здравым смыслом, люди учредили общество, они в некоторых отношениях «отказались от своей естественной свободы... Они это сделали ради некоего верного и ценного преимущества... Это верное и ценное преимущество, ради которого они объединились, могло быть лишь взаимной охраной от возможного ущерба со стороны других людей, равно как и для сопротивления их насилию при помощи еще большей силы»[4]. Люди нашли разумным объединиться, «опираясь на следующий простой и общий принцип: я хочу быть счастливым, но я живу с другими людьми, которые, как и я... хотят быть счастливыми: будем же искать средство обеспечить наше счастье, добывая тем самым счастье другим и уж во всяком случае никогда не вредя им»[5].

В Энциклопедии разъясняется, что столь же естественным, основанным на добровольно принятом решении их разума является процесс возникновения государственной власти. В статье «Правительство» (т. VII, автор — Жокур) мы читаем: «...все политические союзы начинаются с добровольного объединения отдельных лиц, свободно выбравших тот или иной род правительства. ...Бесспорно, что общество обладает свободой в формировании правительства тем способом, который ему нравится... Если законодательная власть предоставлена народом одному человеку или нескольким пожиз-

ленно или на определенное время, то по окончании этого срока суверенная власть возвращается к обществу, от которого она исходит. Когда она возвратилась, общество снова может ею распорядиться по своему усмотрению»[6].

В Энциклопедии, таким образом, отстаивается известная договорная теория образования общества и возникновения государства, теория, включающая в себя признание того, что исходный пункт процесса образования общества и государства — ничем не ограниченная свобода и абсолютное равенство прав всех людей, согласившихся между собой, что ради своей безопасности и ради своего благополучия каждый из них на определенное время откажется от некоторой части своих прав в пользу правительства, имеющего тот состав, какой найдут для себя подходящим образовавшие его люди.

Особенно энергично провозглашается в Энциклопедии положение о том, что от природы все люди неограниченно свободны и совершенно равноправны.

«От природы никто не получил права повелевать другими людьми. Свобода — это дар небес, и каждый индивид имеет право пользоваться ею, как только он начинает пользоваться разумом» (ст. «Политическая власть», т. I, автор — Дидро)[7].

Лишены также всякого основания притязания некоторых сословий на какие бы то ни было права, которых, по их мнению, лишены другие сословия, ведь «в качестве таковых, т. е. в своих обществах все граждане благородны одинаково, поскольку благородство ведется не от предков, а от общего права...» (ст. «Гражданин», т. III, автор — Дидро)[8]. Поэтому в устроенном наиболее справедливо и мудро государстве, гражданам которого живется счастливее, чем во всех других европейских государствах, в Швейцарии, «совсем не кичатся родовитостью... Ни дворянство, ни богатство не дают особого ранга, прерогатив или легкости в продвижении к должностям» (статья «Женева», т. VII, автор — Д'Аламбер)[9].

«...Дворянство и духовенство долгое время обладали исключительным правом говорить от имени всей нации или быть ее единственными представителями. Народ, состоявший из земледельцев, жителей городов и деревень, ремесленников, одним словом, самой многочисленной, самой работящей и полезной части общества, совершенно не обладал правом говорить за себя» (ст. «Представители», т. XIV, автор — Гольбах)[10].

Считая противоестественными, несправедливыми и пагубными для общества порядки, при которых одни сословия пользуются большими правами, а другие совершенно бесправны, авторы Энциклопедии распространяют свой тезис о равноправии всех людей не только на подданных, но и на монарха: «Разве по своему природному состоянию он больше человек, чем они? Обладает ли он более возвышенной душой и разумом? А если бы и обладал, то разве у него больше, чем у них, жажды и потребности в удовлетворенной и довольной жизни? Не странно ли, чтобы все существовали ради одного, и не вернее ли, чтобы один существовал для всех? Откуда он мог получить это право» (ст. «Общество», т. XV, автор — Дидро)[11].

Из среды духовенства, сообщается в статье «Деспотизм», неодно-

кратно выступали «такие обманщики, которые.... установили над невежественными и обманутыми народами власть, буедив их, что это власть божества» (т. IV, автор — Жокур)[12]. К этому обману, говорит автор статьи, прибегали Григорий VII, Бонифаций VIII и многие другие папы. Католический клир внушал простым людям, что и королям власть дарована Богом. Эта ложь, распространяемая представителями духовенства, породила в некоторых людях притязания на божественное происхождение их власти, «их считали богами, а они считали рабами людей, веривших, что они подчинены высшему существу, и забывших ограничить спасительными законами власть» тех, кто их обманывал и угнетал[13].

В статье «Политическая власть» (т. I, автор — Дидро) отрицается и обстоятельно опровергается веками вдалбливавшееся в сознание масс положение, что король — «божий помазанник». Ведь общеизвестны многочисленные факты, говорится в статье, когда порочные, жестокие люди силой захватывали государственную власть, и эти узурпаторы, творящие вопиющие несправедливости и отвратительные преступления, объявляют себя королями, а их подручные, светские и церковные, «толкуют из низости и лести, будто любая власть от Бога. Разве нет несправедливой власти? Разве не случается, что власть бывает установлена не Богом, а вопреки его воле и порядку? Разве Бог творит узурпаторов?»[14].

В действительности, решительно подчеркивается в Энциклопедии, государственную власть устанавливают не сверхъестественные, небесные, божественные силы, а силы естественные, земные, человеческие. «При внимательном изучении у нее (политической власти. — *В. Б*) всегда оказывается один из двух источников: либо насилие и жестокость того, кто ее себе присвоил, либо согласие тех, кто ей подчиняется по заключенному или подразумеваемому договору между ними и тем, кому они вручили власть»[15]. В первом случае захвативший силой политическую власть — узурпатор, воспользовавшийся тем, что в какой-то момент в его распоряжении оказалось больше силы, чем у тех, кому он навязал свою власть и над которыми установил свое иго. «Если же последние, в свою очередь, становятся сильнейшими и сбрасывают иго, то они это делают с теми же правами и законностью, как тот, кто установил для них это иго. Тот же закон, что создал власть, ее и разрушает, это — закон сильнейшего»[16]. Правомерна лишь та государственная власть, которая установлена и существует благодаря тому, что на ее существование добровольно согласились граждане, ее установившие.

Мысль о том, что народ вправе и обязан силой свергнуть государя, который. не выполняя обязанностей, налагаемых на него договором, силой навязывает свою власть подданным, мы находим и в других статьях Энциклопедии.

В статье «Мятеж» автор говорит: «Не следует удивляться тому, что, говоря о восстаниях, я сказал, что среди них имеются справедливые... если несправедливость является злом и она должна быть запрещена, нужно наказать тех, кто ее творит. Для наказания несправедливости существуют юридические и неюридические способы; юридических процедур достаточно, если можно принудить прави-

тельство подчиняться им, однако они не имеют никакого успеха по отношению к тем, кого невозможно подчинить законам»[17], т. е. по отношению к государям, не желающим считаться с государственными законами, к государям, приводящим страну к такому положению, что народные массы в городе голодают из-за безработицы, а крестьяне голодают из-за того, что их облагают непосильными для них податями, допускающим произвол своих чиновников в отношении народа, назначающим таких министров, которые делают страдания народа еще более тяжелыми.

Центральным, основополагающим принципом той интерпретации договорной теории, какая ей дается в статьях Энциклопедии, является провозглашение суверенности народа, провозглашение того, что народу и только народу принадлежит власть, право выносить окончательное решение по всем возникающим в обществе вопросам, право, которого никто не может у народа отнять; что народ может, если пожелает, временно, на определенных условиях, добровольно передать часть своей власти каким-нибудь лицам, правительству, но по истечении договорного срока или при нарушении правительством условий договора и эта временно отторгнутая часть власти народа возвращается к нему как ее единственному законному владельцу.

Поскольку в XVIII в. большинство европейских государств представляли собой монархии, правительства, о которых идет речь в Энциклопедии, часто являются монархическими, но в ней уделено немало внимания и республикам. Каковы же те требования, которым, по мнению создателей Энциклопедии, должно удовлетворять любое правительство (как монархическое, так и республиканское) для того, чтобы оно могло считаться законным правительством?

Как уже отмечалось выше, единственным законным путем образования правительства в Энциклопедии признается добровольное решение членов общества учредить государственную власть и установить ту форму этой власти, которую члены общества сами выберут. «...Общество, — говорится в статье "Правительство" (т. VII, автор — Жокур), — обладает свободой в формировании правительства тем способом, который ему нравится»[18].

Итак, первое требование к законному правительству заключается в том, чтобы народ выбирал его совершенно добровольно.

Другое требование договора между людьми, согласившимися стать подданными, и их правительством, состоит в том, что власть и права последнего должны быть *строго ограничены* деятельностью, направленной на благо подданных. Правительство должно прилагать все усилия, чтобы подданные жили счастливо, — защищать их от угнетения, обеспечивать их собственность, никогда не жертвовать общими интересами всего общества ради интересов меньшинства его членов (см. ст. «Представители», т. XIV, автор — Гольбах)[19].

«Власть свою государь получает от своих же подданных, и она ограничена естественными и государственными законами. Естественные и государственные законы — это условия, на основании которых подданные подчиняются или считаются подчиненными государю. По одному из этих условий он не может своей властью унич-

тожить акт или договор, предоставляющий ему эту власть» (ст. «Политическая власть», т. I, автор — Дидро)[20].

Ничем и никем не ограниченное «абсолютное правление одного человека», строй, при котором «государь... управляет всем по своей воле при полном отсутствии иного управляющего им закона, нежели его прихоть», — это совершенно незаконный строй, который «всегда и везде равно вреден» (ст. «Деспотизм», т. IV, автор — Жокур)[21].

Как известно, французские просветители, в том числе и создатели Энциклопедии, как правило, придерживались концепции просвещенного абсолютизма, и именно поэтому они резко осуждали ничем не ограниченное самодержавие, именуя его деспотизмом и тиранией. Они настаивают на том, что важнейшее требование, которому должно удовлетворять законное правительство, заключается в том, что оно обязано во всей своей деятельности строго держаться в границах, предписываемых ему его договором с подданными.

Ведь «власть, даже наследственная в одной семье и находящаяся в руках одного, является не частным, но общественным достоянием, которое тем самым никогда не может быть отнято у народа, ибо он обладает им преимущественно и с правом полной собственности. Именно он всегда заключает договор и является его участником, следящим за его выполнением. Не государство принадлежит государю, а государь — государству» (ст. «Политическая власть», т. I, автор — Дидро)[22].

Есть еще одно требование, без исполнения которого политическая власть не может считаться законной, утверждают энциклопедисты. Управление целым народом — дело чрезвычайно сложное и трудное. Какими бы выдающимися способностями и талантами ни государь (при монархии), ни группа людей (из которых состоит правительство в республике) не обладали, успешно решить все задачи, которые выдвигает перед ними управление государством, они не в состоянии без привлечения знаний, талантов, опыта всего народа. Они должны «выслушивать голоса всех своих подданных», учитывать их мнения, основанные на их знаниях, их опыте, их интеллектуальных дарованиях. А «для того, чтобы подданные могли их выразить без сумятицы, надо, чтобы у них были представители...», избранные ими выразители их мнений (ст. «Представители», т. XIV, автор — Гольбах)[23]. Законной, следовательно, может быть лишь государственная демократическая власть.

Поручая избранным им представителям выражать и защищать их интересы, граждане, из которых состоит народ, передают этим представителям часть прав, вытекающих из суверенитета народа, лишь временно. Подобно тому как, временно передав часть своих прав правительству, народ пристально следит за тем, как оно выполняет договор, и когда оно его нарушает, лишает данное правительство власти, так же поступает народ в отношении избранных им представителей: «Представитель не может присвоить себе право действовать противно интересам своих избирателей, ибо их права — это права нации, они незыблемы и неотчуждаемы. Стоит лишь обратиться к разуму, он докажет, что избиратели могут в любое время

изобличить, лишить доверия и отозвать предавших их представителей, злоупотребляющих против них своими полномочиями или отказавшихся за них от прав, им принадлежащих. Словом, представители свободного народа не могут навязать ему ярмо» (та же статья)[24].

Хотя в большинстве своем создатели Энциклопедии не ставили своей целью превращение Франции в республику, но, борясь за демократию, провозглашая суверенитет народа, они четко сформулировали те требования к правам и обязанностям избираемых народом депутатов, которые звучат в высшей степени актуально сегодня в нашей стране, когда мы пытаемся реализовать в нашем государстве подлинное народоправство, подлинную демократию.

Какими бы иллюзорными ни были некоторые социально-политические воззрения авторов Энциклопедии, созданный ими труд не только внушает глубокое уважение и даже восхищение демократией, но и содержит ряд рациональных мыслей относительно того, каким требованиям должен удовлетворять строй, в котором последовательно осуществляется народоправство. «Мне — говорит Жокур, автор статьи "Демократия", — кажется, что демократия не без основания гордится тем, что вскормила великих людей. Действительно, поскольку при народном правлении все участвуют в управлении государством в соответствии со своими качествами и достоинствами и все разделяют случающиеся беды и радости, то все наперебой прилагают свои силы и способствуют общему благу, ибо любые перевороты полезны или вредны для всех. Более того, демократия воспитывает умы, показывая путь к почету и славе, и он более открыт для всех граждан, более доступен и менее ограничен, чем при правлении немногих или одного... Таковы счастливые прерогативы демократии, которые формируют людей, рождают великие деяния и героические добродетели» (т. IV, автор — Жокур)[25]. Жизнь Афинской и Римской республик убедительно свидетельствует о том, что демократические государства «по своему устройству превосходят все империи мира».

В демократически устроенном государстве, говорится в другой статье, дворянство не пользуется никакими привилегиями или дворянства вовсе нет, и вследствие этого в обществе гораздо меньше разногласий, что способствует спокойной жизни такого государства и благосостоянию его граждан. Хотя граждане Швейцарии придерживаются разных религиозных верований и проживают в кантонах, интересы которых не во всем совпадают, Швейцарская республика является процветающим государством, потому что между ее гражданами мало разногласий благодаря строго соблюдаемому в ней равенству прав всех ее граждан. Сходным образом дело обстоит и в Нидерландах. «Правительство Соединенных Провинций имеет то преимущество, что равенство лиц привело к равенству мнений и к тому, что налоги и подати уплачиваются наилучшим образом» (ст. «Дворянство», т. XI, автор — Жокур)[26]. В Нидерландах (Соединенных Провинциях) на самом деле «равенства мнений», разумеется, не существовало, но автор так склонен идеализировать демократические порядки, установившиеся тогда в Голландии, что видит

только те позитивные стороны этих порядков, которыми они действительно резко отличались от самодержавного произвола и бесправия народа, царивших во Франции.

Еще более страстно (и в ряде отношений отнюдь не объективно) идеализирует общественную жизнь Женевы в своей большой статье, посвященной этому городу, Д'Аламбер. Не может не вызывать изумления, пишет он, что это в сущности небольшое государство, окруженное крупными постоянно воюющими между собой государствами, сумело, не ввязываясь в эти военные конфликты, совершенно от них не страдать и не только полностью сохранить свою независимость, но и стать одной из самых процветающий стран Европы. Женевцам этого удалось достичь, пишет Д'Аламбер, благодаря тем социально-политическим порядкам, которые они у себя установили. Подробно описывая эти порядки, он подчеркивает их демократичность. Если какой-нибудь человек занимает более или менее важное место в государственных органах Женевы, то это совершенно не зависит от того, кем были его родители, были ли они знатными или богатыми людьми, а всецело определяется его личными достоинствами, каким бы простонародным ни было его происхождение. На очень высоком уровне находится в Женеве просвещение. Город имеет университет, где студенты обучаются бесплатно, и обладающую богатым собранием всевозможной литературы публичную библиотеку, где книги выдаются всем гражданам, так что «народ Женевы гораздо лучше образован, чем в других местах... В Женеве так хорошо развились все науки и почти все искусства, что можно лишь удивляться перечню ученых и разного рода художников, которых в течение двух веков дал этот город» (ст. «Женева», т. VII)[27]. Д'Аламбер идеализирует даже кальвинистских теологов Женевы. Будучи сам деистом, он и им приписывает деизм и «примерную нравственность». Они, по его словам, не занимаются схоластическими «спорами о непонятных предметах», «не преследуют и не обвиняют недостойно друг друга перед правительством»[28] и осуждают Кальвина за то, что он приказал сжечь Сервета (хотя в действительности не только в XIX, но и в XX в. многие кальвинисты оправдывали этот поступок Кальвина). Жизнь и деятельность женевцев вызывают у Д'Аламбера такое восхищение, что он заявляет: «В этом мире они почти достигли возможного в нем счастья»[29]. И все эти поразительные достижения, утверждает он, имеют своей причиной то, что «управление Женевы обладает всеми преимуществами демократии без единого ее недостатка»[30].

Неудивительно, что эта статья привела мракобесов в такую ярость, что на Д'Аламбера обрушилась лавина злобных обвинений и угроз.

В Энциклопедии, разумеется, многократно подчеркивается, что вся ее критика феодально-абсолютистских порядков относится к другим странам, что во Французском королевстве все обстоит в высшей степени благополучно. Вообще авторы «Толкового словаря» не скупятся на лояльные, верноподданнические декларации. Но иногда сквозь их благонамеренные речи прорываются высказывания весьма откровенные. В статье «Политическая власть» говорится, что ус-

ловия договора между народом и государем в разных странах различные. Но во всех странах, даже в тех, где договором допускается наследственная монархия, «нация имеет право оберегать заключенный ею договор во всем и против всех. Никакая сила не может изменить его, а когда он теряет силу, она возвращает свое право и полную свободу заключить его с кем угодно. Так могло бы произойти во Франции, если бы, к величайшему несчастью, царствующая династия угасла до самых последних колен; тогда скипетр и корона вернулись бы к нации. Думать иначе могут только рабы, чей ум ограничен, а сердце полно низости» (автор — Дидро)[31].

Говоря о том, что законным является только такое правительство, которое согласует свои решения с требованиями, выдвигаемыми представителями всех слоев общества, в том числе «самой многочисленной, самой работящей и полезной части общества» — земледельцев и ремесленников, Гольбах в статье «Представители» напоминает, что во Франции собрания представителей народа не созывались с 1628 г.

Третья четверть XVIII столетия, когда увидела свет Энциклопедия, — это время, когда царивший во Франции феодально-абсолютистский строй принял особенно уродливые, особенно мучительные для подавляющего большинства нации формы. Власть короля не была совершенно ничем ограничена. Он издавал законы, вел войны, взимал налоги, назначал на высшие государственные посты, карал и миловал подданных, не считая нужным выслушать мнения не только народа, но и двух первых сословий. В стране царил произвол и подавлялся всякий проблеск свободы мысли. Важнейшие решения французского самодержца всецело зависели от прихоти сменявших друг друга королевских фаворитов и фавориток. Если политическую суть французского абсолютизма выразил Людовик XIV в своем пресловутом изречении «Государство — это я», то крайняя степень морального разложения тех, кто правил страной в царствование Людовика XV и XVI, выразилась в распространившемся тогда афоризме «После нас — хоть потоп». В Энциклопедии (ст. «Свобода мысли» и ряд других статей, т. IX) обстоятельно обосновывается то право каждого гражданина высказывать и публично отстаивать свои воззрения, та «свобода обмена идеями и мнениями», которая позднее была провозглашена в «Декларации прав человека и гражданина».

Нетрудно себе представить, какой резонанс могли вызвать в этой ситуации изложенные выше идеи Энциклопедии.

Ее создатели не ставили перед собой задачи вызвать революцию. Неизбежно сопровождающее ее кровопролитие они считали чересчур дорогой ценой для замены изжившего себя строя справедливыми и разумными порядками. Они верили, что рано или поздно на троне окажется просвещенный монарх, который окружит себя самыми мудрыми и преданными родине людьми, последует их советам и преобразует общественный строй так, как того требуют разум и справедливость. Но все содержание Энциклопедии независимо от намерений ее творцов рождало у ее читателей мысль, что революционное ниспровержение существующего строя было бы делом спра-

ведливым и разумным, даже если революция повлечет за собой тяжкие страдания и гибель многих людей.

Возникает вопрос — как могло увидеть свет такое произведение во Франции, где господствовал реакционнейший абсолютистский «старый режим», где действовал закон, согласно которому каждый писатель, чьи произведения «волнуют умы», подлежит смертной казни?

Во-первых, когда первый том Энциклопедии был уже получен подписчиками, а второй полностью напечатан (1752), королевский совет запретил это издание, приказал изъять у Дидро все рукописи и уничтожить. Второй том удалось доставить подписчикам и полностью сохранить все рукописи благодаря содействию благосклонно относившегося к Энциклопедии королевского управляющего книгоиздательскими делами Мальзерба, а также маркизы де Помпадур.

Благодаря этим связям при дворе через несколько месяцев (в мае) запрещение издания Энциклопедии было отменено.

Травля Энциклопедии в многочисленных книгах, брошюрах, журналах, требовавших расправы с этим «подрывным» изданием и с его авторами (некоторым из которых пришлось бежать за границу) продолжалась с прежним ожесточением, но ежегодно выходил следующий том Энциклопедии. Однако после того, как (в 1757 г.) было совершено покушение на короля, требования закрыть издание, «враждебное алтарю и трону», приняли такие масштабы, что королевский совет (в 1759 г.) окончательно запретил издание Энциклопедии и продажу ранее отпечатанных томов. Подписчикам в возмещение их денег вручили четыре тома гравюр и рисунков, на которые запрет не распространялся. Сильным нападкам подвергались все авторы, в особенности Дидро и Д'Аламбер, чья статья «Женева» вызвала крайнюю ярость ревнителей самодержавия и религии. Это произвело на Д'Аламбера такое впечатление, что он отказался от дальнейшего участия в редактировании, согласившись вести только статьи на математические темы.

Последние тома (VIII—XVII) печатались подпольно под измененным названием, в котором не упоминались имена Дидро и Д'Аламбера, вместо чего на титульном листе говорилось, что издание отредактировано г-ном*** и отпечатано в Невшателе у издателей Сэмюэля Фоше и К°. Дело изображалось так, будто книги эти печатаются в Швейцарии, хотя в действительности их печатали в Париже. В 1765 г. в связи с изменившимся положением при дворе, где несколько уменьшилось влияние мракобесов, подписчикам были вручены последние тома.

Хотя и Дидро и его издатель за время своей работы над Энциклопедией арестовывались и заключались в тюрьму, в общем дело их завершилось вполне успешно главным образом потому, что правительство считало для себя очень убыточным банкротство крупного капиталистического предприятия. В издание Энциклопедии Лебретон.и его компаньоны вложили такие большие деньги, что оно стало одним из наиболее крупных капиталистических предприятий Франции, принесшим его владельцам два с половиной миллиона франков чистой прибыли.

Возникает также вопрос: как могло произведение, продававшееся так дорого, что приобрести его могли лишь очень богатые люди и, следовательно, тираж его не мог быть большим, — даже если принять во внимание, что с содержанием каждого тома знакомились не один-два, а много читателей, — оказать ощутимое воздействие на широкие круги французского общества?

В действительности дело обстояло иначе.

И в те годы, когда выходили из печати один за другим тома Энциклопедии, и позднее, когда ее издание было завершено, ни один из журналов, издававшихся во Франции до революции, не осмелился выступить в ее защиту. Но против нее систематически и с большим ожесточением выступали журналы.

Большое число ревностных защитников веры и престола (например, Бертье, Буффье, Фрерон, Шоме, Жири, Моро, Палиссон) ежегодно публиковали множество злобных памфлетов, брошюр, книг, специально посвященных обличению «подрывного» характера «Толкового словаря». Во всех этих антиэнциклопедических работах обильно цитировались и обстоятельно излагались те статьи Энциклопедии, в которых особенно ярко были выражены важнейшие идеи ее создателей. Из этих работ врагов Энциклопедии весьма широкий круг читателей получил возможность узнать, в чем заключались философские и социально-политические воззрения энциклопедистов, «философов», как было тогда принято их именовать (и как сами они себя называли). По справедливому замечанию Ж. Пруста, антиэнциклопедическая литература 1750—1789 гг. явилась настоящей антологией самых смелых фрагментов Энциклопедии. Так враги этого труда, помимо своей воли, способствовали популяризации провозглашенных в нем идей.

Значительному расширению круга людей, ознакомившихся с этими идеями, способствовало и то, что Руссо, Дидро, Д'Аламбер, Форбонэ и некоторые другие авторы Энциклопедии издали (главным образом в Нидерландах) ряд своих энциклопедических статей в виде отдельных книг.

Что касается тиража самой Энциклопедии, то число ее экземпляров, оказавшихся в распоряжении дореволюционных ее читателей-французов, было не так уж мало. В Женеве с 1773 по 1779 г. было отпечатано и распродано три издания Энциклопедии, полностью воспроизводящие текст оригинала. Типографские общества Лозанны и Берна, строго следуя тексту этих изданий, опубликовали их копии дважды (в 1778—1781 и в 1781—1782 гг.). Всего разошлось среди дореволюционных французских читателей около сорока тысяч экземпляров этого труда — тираж для XVIII в. очень большой.

Но особенно важной для распространения идей Энциклопедии была деятельность многочисленных единомышленников энциклопедистов. Эти друзья Энциклопедии сделали извлечения из ее статей, содержащие важные философские и общественно-политические идеи, и отпечатали их в виде множества небольших общедоступных и по содержанию и по цене книжек. Книгоноши распространили весьма значительное число этих книг по всей стране, продав их даже в наиболее отдаленных глухих деревнях.

Так дошли новые смелые идеи энциклопедистов до миллионов французов, сыграв выдающуюся роль в подготовке радикального переворота в сознании французского общества.

[1] *Кропоткин П. А.* Великая французская революция. 1789—1793. М., 1979. С. 36.
[2] См.: «Ль'Аннэ Литерэр», «Журналь де Треву».
[3] История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л., 1978. С. 64
[4] Там же. С. 72—73.
[5] Там же. С. 64.
[6] Там же. С. 188.
[7] Там же. С. 88-89.
[8] Там же. С. 66.
[9] Там же. С. 231.
[10] Там же. С. 97.
[11] Там же. С. 66.
[12] Там же. С. 195-196.
[13] Там же. С. 197.
[14] Там же. С. 90.
[15] Там же. С. 89.
[16] Там же.
[17] См.: Там же. С. 277-278; автор — шевалье Луи де Жокур.
[18] Там же. С. 188.
[19] Там же. С. 98.
[20] Там же. С. 90.
[21] Там же. С. 190-191.
[22] Там же. С. 90.
[23] Там же. С. 98.
[24] Там же. С. 102.
[25] Там же. С. 104-105.
[26] Там же. С. 216.
[27] Там же. С. 232.
[28] Там же.
[29] Там же.
[30] Там же. С. 230.
[31] Там же. С. 91.

ИДЕЯ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

С. П. Галенко

Феномен трансцендентализма занимает в истории западноевропейской мысли весьма почетное, хотя, по правде сказать, не очень-то определенное место. Возникновение и развитие идеи трансцендентализма довольно длительное время связывалось в основном с именами Канта и Фихте. Но уже на сегодняшний день можно говорить о более или менее откристаллизовавшейся мысли, что трансцендентализм выходит за пределы исторически ограниченного явления немецкой классической философии и представляет собой одну из сквозных осевых линий развития западноевропейской философии. В таком случае стоит принять во внимание доводы А. Ф. Лосева, ко-

© С. П. Галенко, 1993